

УДК 37:94(575.4)

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ СЕВЕРНОГО ТУРКМЕНИСТАНА
В ЭПОХУ МАМУНИДОВ**

Аллабердиева Л.А.

В статье исследуются институциональные особенности и дидактические основы образовательной системы Хорезма в эпоху Мамунидов (X-XI вв.). Автор обосновывает, что расцвет Просвещения стал результатом государственного меценатства и интеграции региона в систему Великого шелкового пути. Особое внимание уделено деятельности «Дому науки» в Гургандже как прообраза научной академии, объединившей Абу Рейхана Бируни, Ибн Сину и других мыслителей Восточного Ренессанса. В работе анализируется структура обучения в дебистанах и медресе, а также выявляются ключевые принципы хорезмийской педагогики: эмпиризм, критическое мышление и осознанная многоязычность. На основе свидетельств современников и анализа трудов Бируни показано, что в Хорезме была создана уникальная открытая модель образования. Автор приходит к выводу, что этот интеллектуальный опыт стал эталонным для тюркского мира, обеспечив синтез античного наследия с региональными культурными традициями.

Ключевые слова: Хорезм, Мамуниды, образование, Гурганджская академия, педагогический эмпиризм, дидактика.

**SOCIOCULTURAL DETERMINANTS OF EDUCATIONAL
ENVIRONMENT DEVELOPMENT IN NORTHERN TURKMENISTAN
DURING THE MA'MUNID ERA**

Allaberdieva L.A.

The paper examines the institutional features and didactic foundations of the Khwarazm educational system during the Ma'munid era (10th – 11th centuries). The author posits that the flourishing of Enlightenment resulted from state patronage and the region's integration into the Silk Road. Particular attention is paid to the activities

of the “House of Wisdom” (Dar al-Hikmah) in Gurganj as a prototype of a scientific academy that brought together Abu Rayhan al-Biruni, Ibn Sina and other thinkers of the Islamic Golden Age. The study analyses the structure of instruction in dabistans and madrasahs, identifying the key principles of Khwarazmian pedagogy: empiricism, critical thinking, and conscious multilingualism. Based on contemporary accounts and an analysis of Al-Biruni’s works, the author demonstrates that a unique, open model of education was established in Khwarazm. The paper concludes that this intellectual experience became a benchmark for the Turkic world, ensuring a synthesis of Antique heritage with regional cultural traditions.

Keywords: Khwarazm, Mamunids, education, Gurganj Academy, pedagogical empiricism, didactics.

В контексте исторической ретроспективы развитие образовательных институтов выступает не только как культурный феномен, но и как стратегический фундамент социально-экономической устойчивости государства. Наука и просвещение в тюркской традиции исторически интерпретировались как «неисчерпаемое достояние человечества», определяющее вектор цивилизационного прогресса. Ярким воплощением этой парадигмы стало государство династии Мамунидов, чье недолгое, но интенсивное правление (995-1017 гг.) ознаменовало «золотой век» науки в Центральной Азии. Вторая династия Хорезмшахов, получившая в историографии название Мамунидов по имени своего родоначальника – Мамуна ибн Мухаммада, создала уникальную модель государственного патронажа над наукой. Геополитическое влияние династии распространялось на всю территорию Хорезма и ключевые узлы Северного Хорасана, включая такие значимые центры, как Ниса, Абиверд Парав. Хронология правления представителей династии от Мамуна ибн Мухаммада (992-997 гг.) до Мухаммада ибн Али (1017 г.) демонстрирует период исключительной политической концентрации ресурсов для поддержки ученых сословий.

Становление образовательной среды в данный период не было стихийным процессом. Оно стало результатом синергии трех факторов:

1. Политический прагматизм: использование интеллектуального капитала для укрепления международного авторитета хорезмшахов.

2. Экономическая база: стабильность торговых путей, развитие сельского хозяйства, ремесла позволявшая финансировать научные изыскания.

3. Духовно-философский синтез: слияние традиционных знаний народов Хорезма с классической восточной наукой.

Изучение этой многогранной детерминации позволяет по-новому взглянуть на механизмы трансляции знаний в тюркском мире и выявить скрытые рычаги, обеспечившие Хорезму статус лидирующего образовательного центра X-XI вв.

Ключевым политическим триггером, обусловившим расцвет просвещения, стало административное объединение Хорезма в 995 г. Мамун ибн Мухаммад сумел консолидировать правобережную и левобережную части региона, ликвидировав раздробленность и утвердив столицу в Гургандже (ныне Куня-Ургенч). Этот шаг имел не только военное, но и глубокое социокультурное значение. А также выход из-под вассальной зависимости от Саманидов в правлении Али ибн Мамуна позволил хорезмшахам сформировать самостоятельный политический курс. Обеспечение национальной безопасности и стабильность государственных границ создали необходимый «вакуум безопасности», внутри которого стало возможно развитие фундаментальной науки.

В отличие от соседних регионов, сотрясаемых междоусобицами, Хорезм Мамунидов стал «тихой гаванью» для интеллектуальной элиты Востока. Мамуниды одними из первых в средневековой истории возвели меценатство в ранг государственной доктрины. Образование перестало быть разрозненной инициативой отдельных книжников. При Мамунидах оно было интегрировано в единую систему, подотчетную государственным интересам. Просвещение рассматривалось как инструмент легитимации власти и символ культурного

превосходства династии на международной арене. Политическая воля правителей Хорезма превратила регион из сугубо аграрного и торгового узла в мощный интеллектуальный кластер, ставший прототипом будущих академий наук.

Личность основателя династии Мамуна ибн Мухаммада следует рассматривать не просто как правителя, но как идеолога просвещенного абсолютизма своего времени. Его деятельность по модернизации общества через повышение уровня грамотности и поддержку научного сословия стала фундаментом для формирования уникальной интеллектуальной среды. Исторические источники единогласно подтверждают, что Мамуниды реализовали одну из первых в истории Востока моделей прямого государственного инвестирования в человеческий капитал. Создание в Гургандже «Дома наук» (прообраза Академии) стало ответом на потребность государства в квалифицированных кадрах и новых технологиях. Библиотечные фонды Гурганджа, сопоставимые по масштабу с легендарными книгохранилищами Мерва, обеспечивали ученым доступ к мировому наследию, концентрируя столицу Хорезмшахов в глобальный информационный узел. Благодаря политической стабильности и личным гарантиям правителей, в Хорезме сложилась «критическая масса» ученых мирового уровня.

В работах современных исследователей, в частности, в трудах Национального Лидера туркменского народа Гурбангулы Бердымухамедова, подчеркивается, что Академия Мамуна оставила неизгладимый след в истории мировой цивилизации, определив вектор развития Восточного Ренессанса. Высокий образовательный ценз населения Хорезма в X-XI вв. не был случайным. Он опирался на древние традиции и экономический стимул. Хорезм как один из древнейших очагов цивилизации имел глубокие корни местной научной школы. В условиях бурного развития экономики и торговли грамотность и знание точных наук (математики, географии, астрономии) стали необходимым условием социальной мобильности. Государственная поддержка науки в эпоху Мамунидов превратила образование из привилегии узкого круга

лиц в двигатель общественного прогресса, что обеспечило Хорезму статус ведущего научного центра Востока.

Образовательная парадигма Хорезма в эпоху Мамунидов характеризовалась глубоким энциклопедизмом и междисциплинарностью. Система распределения знаний базировалась на гармоничном сочетании естественных, точных и гуманитарных наук, интегрированных в теологический контекст эпохи. Фундамент начального и среднего образования в регионе опирался на критическое освоение классического наследия древних цивилизаций. Программа обучения включала: эллинистический компонент – изучение трудов древнегреческих мыслителей в области логики, философии и геометрии; индо-буддийские заимствования – использование достижений индийской математики (включая систему счисления) и медицины; хорезмийскую эмпирику – традиционные прикладные знания в области астрономии и народной медицины [5, с. 13].

Особое значение в формировании образовательного пространства Хорезма имел интенсивный обмен знаниями, ставший возможным благодаря уникальному географическому положению региона. Свободный научный диалог в области астрономии и математики между учеными разных стран превратил Гургандж в живую лабораторию, где теоретические изыскания находили практическое применение. Эта динамика поддерживалась беспрецедентным уровнем лингвистической подготовки: учебный процесс того времени активно стимулировал глубокое изучение арабского, персидского, тюркских и греческих языков.

Подобная полиглотия была не просто культурным навыком, а необходимым инструментом для критической работы с фундаментальными первоисточниками и переводами античного наследия. Параллельно с точными науками в Хорезме развивалась уникальная система клинического обучения. Медицина в эпоху Мамунидов вышла за рамки книжного знания, трансформировавшись в область постоянного практического взаимодействия врачей различных медицинских школ и традиций. Именно эта атмосфера

профессионального диалога и эмпирических наблюдений создала почву для появления таких эпохальных трудов, как медицинские каноны Ибн Сины, ставшие эталоном врачебного искусства на многие столетия. Следовательно, синтез языковой компетенции, математической точности и практического медицинского опыта сформировал тот тип универсального образования, который стал визитной карточкой Хорезмского Ренессанса. Образовательное пространство Мамунидского Хорезма была открытой системой, способной абсорбировать лучшие мировые достижения и адаптировать их к потребностям развивающегося тюркского общества.

Система распределения знаний в Хорезме X-XI вв. представляла собой четко выстроенную иерархию, где начальная ступень обучения реализовывалась в рамках дебиستانов (школ), в то время как высшее академическое образование было сосредоточено в стенах медресе. Примечательно, что образовательный процесс не ограничивался лишь государственными учреждениями. Он развивался как сложная сеть, включающая в себя частные инициативы, индивидуальное наставничество и групповые занятия, что свидетельствует о высокой степени гибкости и доступности просвещения для различных слоев населения. Содержательное наполнение учебных программ отражало запросы развитого средневекового общества, разделяясь на теологическое и светское направления. Религиозный сектор образования был ориентирован на подготовку духовенства, судей-кадиев, имамов и представителей суфийских орденов, формируя духовный каркас государства. В то же время широкая сеть светского обучения была нацелена на воспроизводство интеллектуальной и административной элиты. В стенах учебных заведений Хорезма формировались кадры профессиональных государственных служащих, искусных врачей, фармацевтов и лингвистов. Особое внимание уделялось подготовке дипломатов и астрономов, чьи знания были критически важны для внешней политики и навигации, а также просвещенного купечества, способного оперировать сложными категориями в условиях международной торговли. Такая многопрофильность образовательной

среды обеспечивала устойчивое развитие Хорезма как ведущего научно-административного центра региона.

Особый интерес для исследователей представляет специфика начального образования в Хорезме, которое начиналось с раннего возраста. Традиция обучения мальчиков в дебистанах с пятилетнего возраста была продиктована не только культурными установками, но и жесткой экономической необходимостью. В условиях развитого трансграничного обмена и доминирования Хорезма на ключевых отрезках Великого шелкового пути, сословие торговцев рассматривало грамотность как важнейший семейный капитал, подлежащий обязательной передаче по наследству. Уникальные сведения о такой образовательной модели сохранились в отчетах Вэй Цзе – посла китайского императора Ян-ди (начало VII в.), который фиксировал традиции народов Центральной Азии [3, с. 190]. Свидетельства того, что пятилетние дети сразу после освоения грамоты приступали к изучению методов ведения торговли, указывают на высокую степень интеграции школы в реальные социально-экономические процессы. Это была школа жизни, где образование не отделялось от практики. В связи с тем, что торговые экспедиции хорезмийцев охватывали огромные расстояния, программа начального образования выходила далеко за рамки простого счета. Подготовка будущего купца или администратора включала в себя элементы математической географии и основы астрономии, необходимые для ориентации в пространстве и времени. Точное определение маршрутов, понимание циклов небесных тел и владение сложными математическими вычислениями для обменных операций – все это формировало костяк учебного плана. Как видим, начальное образование в Хорезме носило прикладной, «жизненный» характер, обеспечивая население знаниями, которые были востребованы как в профессиональной деятельности на международных караванных путях, так и в повседневном быту.

Методология преподавания в хорезмийских дебистанах основывалась на строгой логической последовательности, что подтверждается

фундаментальными работами Абу Рейхана Бируни. В частности, его труд «Наука о звездах» позволяет реконструировать учебный план того времени. Образовательный цикл начинался с изучения геометрии, что закладывало фундамент абстрактного мышления, после чего учащиеся переходили к освоению основ математики, арифметики и начальной астрономии [4, с. 21]. Этот естественнонаучный блок гармонично дополнялся изучением исламского права и Корана, которые составляли обязательную духовно-нравственную базу. Вопросам воспитания и словесности уделялось пристальное внимание: уроки этики и литературы велись профессиональными наставниками – эдипами [9, с. 17]. Начальный этап обучения в дебистанах охватывал период с пяти до десяти лет, после чего образовательный процесс приобретал более углубленный и специализированный характер. Дальнейшее обучение строилось с учетом индивидуальных способностей и интересов юношей, продолжаясь в более развитых школах при мечетях, что обеспечивало непрерывность и преемственность интеллектуального развития личности.

Фундаментальной особенностью образовательной среды Хорезма X-XI вв. был акцент на достоверность знаний. Педагогическая мысль того времени решительно дистанцировалась от схоластики, отдавая приоритет тем концепциям, которые прошли проверку практикой. Хорезмийская научная школа сформировала уникальный для средневековья этический кодекс исследователя, который можно выразить девизом: «не поверю, пока не проверю лично». Этот скептицизм по отношению к догмам стал залогом величайших открытий эпохи. Ярким примером раннего проявления научного скептицизма является эпизод из детства Абу Рейхана Бируни. Столкнувшись с распространенным в народе суеверием о том, что смерч – это проявление сверхъестественных сил, которое можно ранить холодным оружием, юный Бируни провел свой первый стихийный эксперимент. Бросив нож в эпицентр вихря, и убедившись в отсутствии каких-либо следов крови на лезвии, он опытным путем опроверг миф. Наставник Бируни, выдающийся математик Абу Наср ибн Ирак, оценил этот поступок не как детскую шалость, а как

зарождение научного метода познания, основанного на сомнении и проверке [7, с. 46]. Принцип неразрывности теории и практики стал жизненным кредо Бируни. В своих трудах он жестко критиковал слепую веру в авторитеты. Показателен его девятимесячный эксперимент по проверке легенды о магическом воздействии изумруда на зрение ядовитых змей. Несмотря на то, что это поверье поддерживалось многими античными и восточными авторами, Бируни методично воспроизводил условия эксперимента в разное время года и при различных обстоятельствах. Отсутствие результата позволило ему сделать вывод о ложности устоявшегося мнения [1, с. 157].

По глубокому убеждению, хорезмийских мыслителей, подлинным ученым может считаться лишь тот, кто не только в совершенстве владеет теоретическим аппаратом, но и способен систематически проверять собственный и чужой опыт. Этот переход от пассивного созерцания к активному экспериментированию вывел науку Хорезма на качественно новый уровень, сделав местную образовательную среду колыбелью научного рационализма в тюркском мире.

Важнейшей индикатором развития образовательной среды была осознанная многоязычность. Наряду с местным хорезмийским языком, служившим средством повседневного общения, в школах велось глубокое изучение арабского и персидского языков. В ту эпоху арабский язык играл в мусульманском мире ту же роль, что и латынь на Западе, выступая универсальным языком науки. Осознавая это, хорезмийское общество стремилось обеспечить своим детям свободное владение несколькими языковыми системами. В процессе обучения формировались устойчивые орфоэпические, орфографические и пунктуационные навыки, а детальное изучение грамматического строя способствовало значительному расширению лексического запаса учащихся. Ярким примером эффективности такой лингвистической школы стала фигура выдающегося ученого Махмуда аз-Замахшари. Его филологический гений был столь велик, что, будучи выходцем из хорезмского селения Замахшар, он достиг непревзойденных высот в

арабской лингвистике. Согласно историческим преданиям, уверенность в собственных знаниях позволила ему провозгласить с вершины горы Абу Кубейс в Мекке призыв к самим арабам изучать их родной язык именно у него [8, s. 324].

Для объективной оценки уровня развития образовательной среды Хорезма принципиальное значение имеют свидетельства современников, в частности палестинского географа и путешественника Макдиси. В своих трудах, датируемых концом X в., он выделяет хорезмийцев как этническую и культурную общность, обладающую уникальными поведенческими и интеллектуальными характеристиками. По его наблюдениям, население региона демонстрировало исключительную предрасположенность к науке и законоведению (фикху), что существенно отличало их от жителей соседних областей Хорасана и Хайтала (Мавереннахра) [2, с. 185]. Макдиси в своей книге «Ахсан ат-такасим фи-ма'рифат ал-акалим» оставил интересную информацию о развитии образования в Хорезме: «Они (хорезмийцы) отличаются от жителей обеих сторон (т. е. Хорасана и Хайтала) в обычаях, языке, характере и врожденных качествах... Они (жители его) – люди разума, науки, фикха, способностей и образования; я редко встречал имама в фикхе, литературе или Коране, у которого не было бы ученика – хорезмийца, который уже продвинулся вперед (в науке) ... Аллах всевышний отличил их хорошим чтением (Корана) и умом» [2, с. 185]. О жителях хорезмского города Кят Макдиси сообщает следующее: «Он (Кят) хорош, в нем ученые, образованные люди, богатства, жизненные блага и товары. (Жители его) – искусные строители и чтецы (Корана), подобных которым нет в Ираке. У них хорошая мелодия, прекрасное чтение...» [2, с. 187]. Столь высокая оценка со стороны внешнего наблюдателя подтверждает, что в X-XI вв. Хорезм сформировался как самостоятельное образовательное пространство, где знание являлось не просто привилегией, а неотъемлемым элементом идентичности общества.

Научное наследие Гурганджской академии позволяет реконструировать целостную дидактическую систему Хорезма, основанную на принципах осознанности, наглядности и строгой аргументированности знаний. Образовательный процесс базировался на сочетании вербальных и интерактивных методов, где ключевую роль играли сократические беседы, дискуссии и формат «вопрос-ответ» между наставником и учеником. Групповое обучение стимулировало активный интеллектуальный обмен, позволяя учащимся дополнять знания друг друга в условиях высокой стандартизации программ. Унификация методов обучения в различных школах региона обеспечивала системную последовательность изложения материала на всех ступенях образования. Ядро хорезмийского просвещения составлял инвариантный канонический перечень дисциплин: фундаментальная подготовка в области геометрии, математики и астрономии гармонично дополнялась изучением географии, истории, филологических наук и классической литературы. Такой энциклопедический охват в сочетании с высокими требованиями к качеству учебной литературы обеспечивал формирование универсального интеллектуального профиля выпускника, способного к глубокой практической и исследовательской деятельности [6, с. 171].

Список литературы:

1. Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. А.М. Беленицкого. Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 518 с.
2. Ал-Макдиси. Извлечение из «Ахсан ат-такасим фи-марифат ал-акалим» / Пер. С. Волина. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII-XV вв. Арабские и персидские источники. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 184-209.
3. Бартольд В.В. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. Соч.. Т. II. Ч. 1. М.: Изда-во восточной литературы, 1963. 1020 с.

4. Беруни Абу Райхан. Книга вразумления начаткам науки о звездах / Вступ. статья, пер. и прим. Б.А. Розенфельда и А. Ахмедова; отв. ред. д. филол. н. А.К. Арендс. Ташкент: Фан, 1975. 328 с.

5. Булгаков П.Г. Жизнь и труды Беруни. АН УзССР, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни. Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР, 1972. 428 с.

6. Таджиева З.Г. Педагогические воззрения Абу Райхана Беруни // Хорезмская Академия Маъмуна и её роль в развитии мировой науки. Материалы международной научной конференции. Ташкент; Хива: Изд-во «Фан» Академии наук Республики Узбекистан, 2006. С. 170-176.

7. Тимофеев И.В. Бируни. М.: Молодая гвардия, 1986. 304 с.

8. Ilmämmedow R. Türkmen parasadynyň miweli daragty // Zamahşary Mahmyt. Ýagşyzadalaryň bahary. I jilt. Aşgabat: Türkmenistanyň milli medeniýet «Miras» merkezi, 2004. 344 s.

9. Muhammet ibn Münewwer Meýheni. Mäne babanyň keramatlaryndan we halatlaryndan hekaýatlar. Aşgabat: Türkmenistanyň milli medeniýet «Miras» merkezi, 2005. 200 s.

Сведения об авторе:

Аллабердиева Ляле Агагельдиевна – старший преподаватель кафедры истории и обществоведения Марьинского педагогического училища имени Хыдыра Дерьяева (Мары, Туркменистан); соискатель кафедры истории Туркменистана и методики ее преподавания Туркменского государственного педагогического института имени Сейитназара Сейди (Туркменабад, Туркменистан).

Data about the author:

Allaberdieva Lale Agageldievna – Senior Lecturer of Department of History and Social Studies, Mary Pedagogical College named after Khydyr Deryaev (Mary, Turkmenistan); graduate student of Turkmenistan History and its Methodology of

Teaching Department, Seyitnazar Seydi Turkmen State Pedagogical Institute
(Turkmenabat, Turkmenistan).

E-mail: allaberdyyeva85@mail.ru.